

WTS: War, Technology and Society

Рецензия на книгу: Деланда М. Война в эпоху разумных машин. М.: Кабинетный ученый, 2015.

В период боевых действий в Ираке и Афганистане американское военное командование приняло решение об активном применении беспилотных летательных аппаратов — так называемых «дронов». Управляемые дистанционно (из специально оборудованного бункера в штате Невада) командой из двух человек — пилота и стрелка-наводчика — беспилотники хорошо зарекомендовали себя при выполнении тактических операций.

В 2013 г. журналистское расследование Мэтью Пауэрса [Powers, 2013] показало, каким образом «сгорают» пилоты боевых дронов. Сидя на безопасном расстоянии в Неваде, они стреляют по живым мишеням, удаленным от них на тысячи километров. Один и тот же пилот может утром подорвать машину в Афганистане, днем — расстрелять группу подозрительных партизан в Ираке, а вечером — вернуться к семье в Рино. Эта ситуация «расщепления» усиливает эффект психологического выгорания оператора. В отсутствие прямой сцепки с мишенью (того, что в акторно-сетевой теории называется *entanglement*) и физической угрозы собственной жизни пилоты теряют способность справляться с техникой. Сам Мэтью Пауэрс, который показал этот эффект на примере биографии пилота Брэндона Брайантса, погиб спустя полгода во время другого журналистского расследования в Уганде. Оператор дрона может позволить себе страдать удаленно в ситуации полного «расщепления» (*disentanglement*). Репортер же всегда находится в полной сцепке с объектом.

Вахштайн Виктор Семенович — заведующий кафедрой теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета ИОН РАНХиГС, профессор Российско-Британского университета МВШСЭН («Шанинка»), кандидат социологических наук. E-mail: avigdor2@yahoo.com.

Victor Vakhshayn — Chair in Sociological Theory and Epistemology (RANEPA), Professor of Sociology (Russian-British Postgraduate University Moscow School of Social and Economic Sciences). E-mail: avigdor2@yahoo.com.

Данный текст написан при подготовке научно-исследовательской работы «Постгуманистические направления социологических исследований: проблемы и перспективы технотелесной гибридации» (2015 г., ЦСИ РАНХиГС).

В Японии огнестрельное оружие пережило краткий всплеск популярности в середине XVI — начале XVII века и практически вышло из употребления почти на 250 лет. Не последнюю роль в этом «великом отказе» сыграли соображения телесной дисциплины: «Было что-то „неэстетичное“ в самой позе, которую принимал человек во время стрельбы. Как пишет Перрин: «В Японии существовали весьма строгие правила на счет того, как должен двигаться человек хорошего воспитания, как он должен стоять, сидеть или преклонять колени. В целом считалось желательным, чтобы человек всегда держал вместе колени и, по возможности, руки — так называемая концентрация тела, воли и силы. Далее считалось неприличным разводить локти в стороны... Человек, владеющий мечом, особенно двуручным японским катана, естественным образом двигался в соответствии с этими правилами. Стрелявший же из ружья скорее нарушал их». Любопытно, как в руководствах по стрельбе времен расцвета огнестрельного оружия пытались решить эти проблемы и максимально «облагородить» позы стрелков: «Солдаты вынуждены припадать к земле, чтобы стрелять. Локти у них болят, а в бедрах сводит мышцы... Они должны расставлять колени в стороны. Тем не менее не допускай, чтобы носки находились на расстоянии более семи дюймов друг от друга. Это выглядит некрасиво»» [Вестбрук, Ратти, 2010].

279

Технологические инновации эпохи модерна тесно связаны с отделением логического принципа действия некоторого устройства от конкретного физического механизма, воплощающего этот принцип. Так становится возможным массовое транспонирование технологий — их перенесение из одной технизированной практики в другую с минимальными издержками. К примеру, инженеры XIX века бились над задачей эффективного торможения тяжелого и плохо управляемого железнодорожного состава.

Изобретатель, одним из первых придумавший способ запустить синхронизированное экстренное торможение вагонов, потерпел финансовый крах, переехал в другой город и принял предложение стать управляющим фабрики по производству кроватей. Фабрика располагалась в помещении заброшенной и основательно захламленной лесопилки. Чтобы расчистить рабочее пространство, инженеру нужно было придумать быстрый способ перенести тяжелое оборудование на второй этаж. Сколоченная на скорую руку подъемная платформа рухнула из-за оборвавшегося троса. Так Элиша Грейвс Отис придумал «транспонировать» изобретенные им железнодорожные тормоза для обеспечения безопасного подъема тяжестей: «рельсы» нужно поставить вертикально и «состав» (лифт) не рухнет в шахту, если оснастить его соответствующим механизмом. Последствия этого изобретения для эволюции архитектуры и облика современных городов сложно переоценить [Колхас, 2013].

Браузерная игра Dice wars (www.kdice.com) отличается отсутствием захватывающего сюжета и привлекательной графики. При всей бросающейся в глаза примитивности игры сайт Gamasutra назвал ее в числе двадцати самых аддиктивных игр всех времен. В сущности, это крайне упрощенный симулятор военных действий, учитывающий факторы топографии (карта военных действий включает в себя от 23 до 35 дискретных земель, по-разному сцепленных друг с другом), случайности (атака осуществляется бросанием определенного числа кубиков) и дипломатии (игроки имеют возможность переговариваться и заключать стратегические альянсы в чате). По сей день Dice wars остается довольно точной имитацией штабных игр, появившихся в прусской армии в 1806 г. и давших начало постнаполеоновским теориям войны.

Этих примеров нет в книге Мануэля Деланды «Война в эпоху разумных машин». Его не интересуют ни отклоняющиеся случаи локальных военных историй, ни довоенная технологическая подоплека военных изобретений, а массовое использование беспилотников (чью гегемонию Деланда по сути предсказал) и онлайн-овые имитации оффлайн-овых симуляторов войны появились через пятнадцать лет после выхода первого издания книги. Тем не менее любой, прочитавший исследование Деланды, сумеет продолжить список сюжетов, которых в книге нет, но которые получают объяснение и новую композицию благодаря предложенной автором «монтажной технике»: увидеть связь между лифтом Отиса и машиной Тьюринга, теорией Клаузевица и компьютерными играми, между протестантскими догматами, дисциплиной тела, социальной структурой и формой конусовидной пули.

Кажется, что в работе Деланды на самом деле заключены две абсолютно разных книги. Первая — собрание интересных иллюстраций и сюжетов в духе бестселлера Джареда Даймонда «Ружья, микробы и сталь» [Даймонд, 2009]. Почему до начала XIX века военное командование почти не уделяло внимания вопросам точности и меткости? Техника стрельбы по изолированной мишени совершенствовалась вместе с технологией нарезного оружия, но долгое время оставалась прерогативой охотников и дуэлянтов. Военные же действия предполагали создание «стены свинца», победа в битве зависела от плотности огня, а вовсе не от точности [с. 46]. Почему в штабных играх американских военных ведомств наложен негласный запрет на затопление авианосцев? Потому что «тактико-технические характеристики определенного орудия критически важны для модели боя», а «ВМФ обычно не совсем честен, когда речь заходит об уязвимости флота авианосцев» [с. 148].

Почему Наполеон отказался от использования пароходов, упустив, возможно, единственный свой шанс захватить британские

острова? Из-за чего были засекречены результаты штабных игр с участием изобретателя первого самолета-разведчика? Как внедрение радио повлияло на координацию войск в Первую мировую войну? Кто был главным лоббистом миниатюризации транзисторов и микросхем? Как современные беспилотные аппараты изменили механику принятия тактических решений? Что общего у штабных игр и биологических исследований, пытающихся ответить на вопрос о возникновении кооперативного поведения в процессе эволюции? И что значило для гражданской политической машинерии принятие военной доктрины «экспертизы без экспертов»?

Эта часть книги, вероятно, привлечет к ней сциентистов, технократов и наивных технологических детерминистов, свято верящих в мощь технологий и косность социальной структуры. Увы, они будут разочарованы. Потому что вторая (а в действительности главная) часть книги — это введение в современную континентальную философию. Деланда практически полностью заимствует свой терминологический аппарат у Ж. Делёза и Ф. Гваттари, активно цитирует Ж. Бодрийяра и М. Фуко, работает с различениями и концептуализациями М. Серра. Его логика рассуждений исключительно близка логике позднего Б. Латура (что позволило Грэму Харману объединить их под рубрикой «теории ассамбляжа» [Harman, 2007]), а недавняя книга Деланды и вовсе называется «Новая философия общества: теория ассамбляжа и социальная сложность» [DeLanda, 2006].

281

Социологи, знакомые с теорией интеробъективности [Латур, 2007] и социальной топологией [Ло, 2006], найдут в ней немало поводов для размышлений. Фанатам же научного прогресса и позитивистской истории технологий я бы искренне не рекомендовал тратить 900 руб. на книгу Деланды — им лучше перечитать «Интеллектуальные уловки» Сокала и Брикмона [Сокал, Брикмон, 2002], чтобы избежать травмы столкновения с современной философией техники.

Предмет своего исследования Деланда обозначает делёзовским термином «машинный филум»: «Если раньше считалось, что только биологические явления важны для изучения эволюции, то сегодня выясняется, что и инертная материя способна порождать структуры, которые могут подвергаться естественному отбору. Словно бы мы открыли некую форму „неорганической жизни“. Для ее осмысления я позаимствовал у философа Жили Делёза понятие «машинного филума» (phylum) — этот термин он придумал для обозначения всей совокупности самоорганизующихся процессов во Вселенной. К ним относятся все процессы, в которых группа ранее не связанных элементов внезапно достигает критической точки, в которой они начинают «кооперировать», образуя единую сущность более высокого уровня» [с. 14].

Возьмем относительно простую на первый взгляд эволюционную линию машинного филума — развитие огнестрельного оружия. Солдат спускает курок, пуля летит, противник получает ранение. До определенного момента (точки бифуркации) это не одна, а три разных операции, подчиненных трем разным логикам. Деланда называет их *стадией толчка* (включающей в себя все события, предшествующие выбросу снаряда), *баллистической стадией* (все события, происходящие с момента отделения снаряда от дула и до его соприкосновения с мишенью) и *стадией поражения* (событие воздействия снаряда на мишень).

До изобретения конусовидной пули они представляют собой три относительно автономных кластера событий. «Каждая из этих стадий, — замечает мимоходом автор, — демонстрирует определенное аналитическое отличие, которое в свою очередь позволит нам изучить историю различных компьютерных технологий» [с. 41]. (Впрочем, как раз это обещание в книге остается не исполненным, но оставим его на совести автора.) Чтобы появилась такая вещь, как «логика современной войны», должна произойти определенная сборка элементов — человеческих и не-человеческих, материальных и нематериальных. Собственно, «сборка» — второй ключевой термин, заимствуемый Деландой у Делёза и Гваттари: «Будем называть сборкой любую совокупность сингулярностей и черт, изымаемых из потока — отобранных, организованных, стратифицированных — таким образом, чтобы искусственно и естественно сходиться...» [Делёз, Гваттари, 2010, с. 687].

То, что Деланда называет машиной — не столько технология, сколько способ соединения гетерогенных элементов в функциональное целое: «...когда часы из-за появления парового двигателя перестали выступать господствующей формой технологии, люди стали собирать другие „машины“, следуя новой модели. Поэтому, если армии Фридриха Великого можно считать хорошо смазанным часовым механизмом, армии Наполеона собирались скорее как двигатель» [с. 202]. Часы — мотор — компьютерная сеть. Вот три Большие Метонимии военных технологий.

Стадия толчка, баллистическая стадия и стадия поражения образуют нижний уровень событийной организации войны — уровень вооружения. Над ним надстраивается тактика, над тактикой — стратегия, над стратегией — логистика. Это именно кибернетические уровни, относительно независимые, но связанные друг с другом. Их анализу посвящена первая (самая большая) глава книги. Две другие главы о том, что происходит с этими уровнями после появления на сцене театра военных действий искусственного интеллекта.

Чтобы проиллюстрировать идею эволюции машинного филума, Деланда предлагает мысленный эксперимент: «Если мы на время от-

странимся от того факта, что роботизированный интеллект, вероятно, не пойдет по пути антропоморфного развития, подготовленного для него научной фантастикой, мы сможем без особого труда представить будущее поколение роботов-убийц, посвятивших себя осмыслению своего исторического происхождения. Мы даже можем вообразить специализированных „роботов-историков“, занятых отслеживанием различных линий технологического развития, давших рождение их виду. И мы можем представить, что такой робот-историк напишет совсем не ту историю, что историк-человек... Конечно, историка-робота едва ли будет волновать тот факт, что именно человек собрал первый мотор, ведь роль людей будет рассматриваться всего лишь как роль трудолюбивых насекомых, опыляющих независимый вид машин-цветов, которые на каком-то этапе эволюции еще лишены собственных репродуктивных органов. Точно так же, когда эти роботы-историки обратятся к эволюции армий, чтобы проследить историю собственного вооружения, люди будут трактоваться ими в качестве всего лишь деталей большой военно-промышленной машины» [с. 8–9]. Отсюда уже один шаг до новой теории общественного договора, того самого «парламента вещей», о котором нам не устает напоминать другой апологет «пересборки социального» — Брюно Латур.

283

Конечно, сегодня книга Мануэля Деланды (впервые увидевшая свет в 1991 г.) выглядит несколько архаично. Деланда пишет в настоящем времени о советской военной машине [с. 275], и машинный филум у него каким-то патологически гегелевским образом обнаруживает себя в противостоянии двух сверхдержав. Автор практически полностью игнорирует асимметричные противостояния и поэтому война с террором (равно как и сам террор) крайне плохо описывается его языком.

В какие-то моменты появляется ощущение, что морально устаревший Карл Шмитт с его теорией партизана [Шмитт, 2007] куда точнее описывает эволюцию машинного филума в 1990–2010-е годы, чем технологически и философски подкованный Мануэль Деланда. Наконец, анализ развития автономных технологий истребления (глава 2) и компьютеризированных средств разведки (глава 3) нуждается в серьезной ревизии — монополярный мир и технический прогресс внесли свои коррективы в описанную Деландой эволюцию. Предсказания же самого автора больше напоминают сценарий к сериалу «Подозреваемый» или рассказу «Таблицы наведения Савелия Скотенкова» В. Пелевина.

Другой заметный недостаток — спекуляции на тему глобальных тенденций эволюции военных машин. Этот имплицитный глобализм не позволяет автору увидеть не только конкретные эпизоды локальных столкновений, но и куда более важный для социологов уровень непосредственного взаимодействия человека и оружия,

оружия и оружия: gun-to-gun interaction. Работа Латура «Об интеробъективности» или исследования этнометодологов оказываются здесь более продуктивными аналитическими инструментами.

И тем не менее книга Деланды — исключительно важный ресурс для всех, кто занимается социологией материальности вообще и социологией техники, в частности. Дело в том, что эта область исследований (видимо, в силу эволюции нашего гетерогенного «исследовательского филума») оказалась заключена в треугольнике STS: Science — Technology — Society. В результате три исходных ингредиента — наука, технология и общество — оказались намертво спаяны в синкретическом единстве технонауки и технообщества, соединены в неразрывную социотехническую сеть. Прикладные исследователи, очарованные образом нового гибридного мира, забыли о том, что вершины этого треугольника контингентны и «всегда могли бы быть иными». Что если не наука, а война является механизмом, запускающим технологические сборки социального? Начавшись с исследования лабораторий, STS двинулась дальше в клиники и госпитали. Деланда предлагает нам иную модель пересборки концептуальной машинерии социологии техники — ее превращение в WTS: War, Technology and Society.

284

Библиография

- Вестбрук А., Ратти О. (2000) *Секреты самураев: Боевые искусства феодальной Японии* / Пер. с англ. А. Курчакова, М.: Феникс.
- Даймонд Дж. (2009) *Ружья, микробы и сталь*, М.: АСТ.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. (2010) *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения* / Пер. с франц. и посл. Я. И. Свирского, М.: Астрель.
- Колхас Р. (2013) *Нью-Йорк вне себя* / Пер. с англ. А. Смирнова, М.: Strelka Press.
- Латур Б. (2007) Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнов, науч. ред. В. Вахштайн. *Социологическое обозрение*, 6 (2).
- Ло Дж. (2006) Объекты и пространства / Пер. с англ. В. Вахштайн. *Социологическое обозрение*, 5 (1): 30–42.
- Сокал А., Брикмон Ж. (2002) *Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна*, М.: Дом интеллектуальной книги.
- Шмитт К. (2007) *Теория партизана* / Пер. с нем. Ю. Коринец, М.: Практис.
- DeLanda M. (2006) *A New Philosophy of Society: assemblage theory and social complexity*, London; New York: Continuum.
- Harman G. (2007) *Networks and Assemblages: The Rebirth of Things in Latour and DeLanda*. Доступ через <http://roundtable.kein.org/node/1262>.
- Powers M. (2013) *Confessions of a Drone Warrior*. Доступ через <http://www.gq.com/news-politics/big-issues/201311/drone-uav-pilot-assassination>.

References

- DeLanda M. (2006) *A New Philosophy of Society: assemblage theory and social complexity*, London; New York: Continuum.
- Harman G. (2007) *Networks and Assemblages: The Rebirth of Things in Latour and DeLanda*. URL: <http://roundtable.kein.org/node/1262>.
- Powers M. (2013) *Confessions of a Drone Warrior*. URL: <http://www.gq.com/news-politics/big-issues/201311/drone-uav-pilot-assassination>.
- Westbrook A., Ratti O. (2000) *Sekrety samuraev: Boevye iskusstva feodal'noi Iaponii* [Secrets of the Samurai: The Martial Arts of Feudal Japan]. M.: Feniks.
- Diamond J. (2009) *Ruzh'ia, mikroby i stal'* [Guns, germs and steel], M.: AST.
- Deleuze J., Guattari F. (2010) *Tysiacha plato. Kapitalizm i shizofreniia* [Thousand of Plateaux. Capitalism and Schizophrenia] M.: Astrel'.
- Kolhaas R. (2013) *N'iu-Iork vne sebia* [Delirious New York]. M.: Strelka Press.
- Latour B. (2007) *Ob interob'ektivnosti* [On Interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 6 (2).
- Law J. (2006) *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and spaces]/ *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 5 (1): 30–42.
- Sokal A., Bricmont J. (2002) *Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoi filosofii postmoderna* [Intellectual Impostures], M.: Dom intellektual'noi knigi.
- Schmitt K. (2007) *Teoriia partizana* [Theory of the Partisan]. M.: Praxis.

Социология на ощупь *Рецензия на книгу: Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

286

В 2000 г. профессор Ланкастерского университета Джон Урри публикует книгу, которая, по замыслу автора, представляет собой манифест новой социологии. Ее основная идея — отказаться от утратившей силу категории общества и перефокусировать внимание социологов на исследования мобильности. Книга получила несколько нейтральных рецензий [Ahlkvist, 2000; Eadie, 2001], активно цитируется учеными, изучающими различные формы перемещений [Favell, 2003], но, как можно констатировать сегодня, не стала точкой отчета для новой социологической парадигмы. Инертность «нормальной науки», расклад сил на поле политической игры между научными школами и другие возможные стратегии объяснений судьбы «Социологии за пределами обществ» мы оставим за скобками и обратимся к другому вопросу: *что в содержании книги помешало ей выполнить свою миссию?*

В тексте можно выделить две линии рассуждения. Первая — назовем ее эпистемологической — предъявляет основания и описание метода социологии, изучающей мобильности. Вторая, эмпирическая, демонстрирует его работу и показывает, как появление новых технологий изменяет практики телесных ощущений, перемещений человеческих тел, материальных объектов, идей и образов, порождает новые типы времени, формы проживания и идентичности. Объемный иллюстративный материал содержат и «эпистемологические» главы. Переплетение двух линий должно придавать закон-

Ермакова Виолетта Борисовна — слушатель совместной программы МВШ-СЭН и ФСФ РАНХиГС. E-mail: tavioletta@gmail.com

Ermakova Violetta — student of MA in Sociology program at MSSS/RANEP. Research interests: epistemology of social sciences, theory of metaphor. E-mail: tavioletta@gmail.com

Текст написан в рамках подготовки научно-исследовательской работы «Метафорические и метонимические стратегии социологического теоретизирования» (ЦСИ РАНХиГС, Госзадание, 2015).

ченность перформативному жесту манифеста: автор сам делает то, к чему призывает. Предлагаемый метод не должен вызывать сомнений в применимости, ведь результаты применения уже представлены. Но этого эффекта достичь не удастся: многочисленные примеры не столько проясняют способ работы, сколько увлекают в размышления об объекте и уведут внимание в сторону от магистральной эпистемологической линии. Попытаемся ее восстановить.

Центральная категория социологии, общество, выстроена по образу национального государства, поэтому общества мыслятся как локализованные в пространстве, имеющие границы и регулирующие процессы на своей территории — образ, все менее адекватно описывающий мир, пронизанный глобальными потоками. Метафору региона предлагается заменить более продуктивными метафорами каналов, сетей и текучих сред, а задачей социологии становится изучение перемещений гибридов, образованных соединением человеческих тел, материальных объектов и технологий.

Суть этого предложения окажется не столь ясной, если мы обратим внимание на то, как Урри отделяет свою логику от логики «визуальной эпистемологии», породившей «сегодняшнюю науку, которая представляется полным антитезисом по отношению к метафоре, — науку, натурализирующую собственные метафоры» [Урри, 2012, с. 43]. Урри поясняет, что визуальной эпистемологию делает лежащая в ее основе метафора познания как зрения, а субъекта познания — как «внутреннего глаза». Признавая такое эпистемическое основание неудовлетворительным, Урри предлагает метафоры сетей и потоков, «не принадлежащие к числу окулярных» [Там же, с. 43]. Утверждение, что метафоры, позволяющие схватить объект, могут быть визуальными и невизуальными, указывает на различие двух типов метафор: эпистемических (*познание как X*) и онтологических (*объект как X*). Учет этого различия позволяет сказать, что, в зависимости от того, понимаем ли мы познание через метафору зрения или нет, метафора объекта может быть сведена к визуальным компонентам или расширена до не только визуальных. Это значит, что отказ от визуальной эпистемологии сам по себе не требует обращения к иным, невизуальным метафорам, скорее, он позволяет переинтерпретировать имеющиеся метафоры, расширяя их возможности, как это делает, к примеру, Ханна Макферсон: работая с концептом ландшафта, она обнаруживает его материальность, протяженность и доступность всем органам чувств¹. Если же

1 «Это восприятие и опыт обладают характеристиками мультисенсорности и телесности. Восприятие ландшафта — это не только взгляд» [Macpherson, 2005, p. 101].

различение между эпистемическими и онтологическими метафорами не проводится, то остается неясным, предлагает ли Урри только новые метафоры мобильности для социальной науки, или же ставит, не признаваясь в этом явно, более амбициозную задачу: вывести социологию за границы визуальной эпистемологии, выстроив ее на принципиально новых основаниях. Прямо декларируется первое, но, как мы успели увидеть, реализовать автор стремится именно второй сценарий, делая тем самым больше, чем обещает. И это ему удастся. Однако платой за удачу становится противоречивость логической конструкции: объявляя на словах, что «все человеческое мышление, включая частные и абстрагированные практики науки и социальной науки, основано на метафоре» [Урри, 2012, с. 38], Урри на практике вынужден вообще отказаться от метафорической логики.

288

Противоречие вырастает как раз из отказа от метафоры познания как зрения. Сторонником такого отказа (и одним из авторов, на которых опирается Урри), является Ричард Рорти. В случае Рорти призыв «выбросить визуальные метафоры, и, в частности, метафоры отражения, из нашей речи вообще» [Рорти, 1997, с. 291] сопровождается пояснением, что этот ход одновременно требует отказа от надежды на любого рода трансцендентальную точку зрения [Там же, с. 297–298]. Однако, как показал Ф. Анкерсмит, трансцендентальная точка зрения и метафора связаны настолько тесно, что отказ от одного предполагает отказ от другого. И трансцендентальный субъект, и метафорическая точка зрения являются одновременно организующим центром хаотического знания и мертвой зоной, неспособной осознать себя (поскольку центр, видимый из другого центра, перестает быть центром), таким образом, метафорическая и трансценденталистская точка зрения выполняют идентичные функции [Ankersmit, 1994, p. 11]. Еще одно общее свойство трансцендентализма и метафоры, отмеченное Анкерсмитом, — способность превращать незнакомое в знакомое, адаптировать действительность к познающему субъекту [Ibid., p. 13]. Если Анкерсмит прав, то замена визуальных метафор объекта не визуальными оказывается невозможной операцией в силу логической противоречивости. Но как раз на эту невозможную операцию решается Урри, предлагая социологам метафоры сетей, потоков и текучих сред.

Нужно заметить, что отказ от зрения как метафоры познания предполагает отказ от метафор объектов, но не означает отказа от метафор познания. Для Рорти философия и наука перестают быть зеркалом мира, но становятся разговором. Анкерсмит, целью которого является преодоление трансцендентализма, обращается к образам перстня и отпечатка, заимствованным у Аристотеля, пера и записной книжки, взятым у Фрейда. Обе метафоры подчеркивают

непрерывность связи познаваемого и познающего, отрицая онтологический разрыв между субъектом и объектом.

В своем анализе чувств Урри помимо зрения обращается к слуху, обонянию и осязанию. Его метафора текучей среды предполагает такие невизуальные характеристики, как вязкость и консистенция. Мы можем сделать вывод, что Урри, не называющий явно свои эпистемические метафоры, тем не менее пользуется метафорой «*познание как чувственное восприятие*», подразумевающей обработку ощущений, полученных от всех органов чувств. Это радикально меняет перспективу познающего субъекта: он больше не находится на безопасном расстоянии, расстоянии взгляда, от того, что познает, он оказывается погруженным в мир, частью которого является его объект. Логику этого погружения позволяет проследить цепочка мысленных экспериментов Анри Бергсона. Он развивает собственную версию преодоления дуализма тела и духа и, отталкиваясь от ощущения и восприятия, показывает, как «различение внутреннего и внешнего сведется к различию части и целого» [Бергсон, 1992, с. 186], когда среди изменяющихся образов внешнего мира субъект фиксирует неизменный образ собственного тела.

Для ученого быть в одном мире с объектом означает, что объект теперь способен не только пассивно предстать перед взором, но и пронзить, оглушить или — по выражению одного из ключевых для Урри авторов, Брюно Латура — «дать отпор». Для социолога это означает еще больше: он оказывается частью не только мира, но и своего объекта. Урри приводит мнение Ингольда о парадоксальности формулировки «глобальные изменения окружающей среды» [Урри, 2012, с. 70]. Идея глобального отсылает к визуальному образу земного шара, недоступного непосредственному восприятию, базирующемуся на фотографиях из космоса (фотоаппарат на спутнике выступает материальным аналогом точки зрения трансцендентального субъекта). Напротив, идея окружающей среды предполагает вовлечение, деятельное участие, допускает включение всех чувств. Метафора региона для общества выполняет ту же функцию, что и фотография Земли — позволяет сохранять дистанцию и обозревать целое. Но стоит отказаться от метафоры региона, социальное становится окружающей средой, поглощающей своего исследователя. В тексте Урри это проявляется следующим образом: выбирая между метафорами, описывающими социологию, Урри предпочитает лесничество садовничеству: «садовничество зиждилось на строгом различении садовника и сада <...>. Я выступаю против подобного разделения» [Там же, с. 271].

Погружение в объект имеет следствием то, что социальное как целое более не доступно познанию. Субъект, находящийся внутри объекта, имеет доступ только к своему непосредственному окружению — части, замещающей целое. Это подталкивает к решению,

окончательно порывающему с метафорой, а именно, к *метонимическому способу рассуждения*.

Если следовать Лакоффу и Джонсону, на которых опирается Урри, сутью метафоры является «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27]. При этом две сущности оказываются не просто не идентичны друг другу, но и различаются по степени ясности и структурированности, ведь «мы концептуализируем то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко» [Там же, с. 97]. То есть работа метафоры описывается формулой «(менее знакомое) X как (более знакомое) Y». Метонимия же подразумевает использование одной сущности в качестве ссылки на другую, связанную с первой. Особым случаем такой референции является синекдоха — отсылка к целому через указание на его часть [Там же, с. 61]. Работа метонимии описывается формулой «X вместо Y». Для Лакоффа и Джонсона метафора и метонимия представляют собой разные виды процессов понимания [Там же, с. 62].

290

Порвав с визуальной эпистемологией (а вместе с ней и с метафорой), Урри не может найти иного способа выстроить основания новой социологии, кроме как прибегнуть к метонимии. Мобильность одновременно понимается им «и как метафора, и как процесс» [Урри, 2012, с. 76], т. е. одновременно имеет и метафорический, и онтологический статус. Эта двойственность проявляется как во всей логике рассуждения, так и в отдельных высказываниях: «Особенно это коснется тех различных мобильностей, которые <...> видоизменяют на материальном уровне „социальное как общество“, превращая его в „социальное как мобильность“» [Там же, с. 10]. Предложение изучать социальное как мобильность согласуется с принципом работы метафоры: мы схватываем потерявшее очертания, ускользающее от понимания «социальное» новой метафорой, вновь делающей его видимым и познаваемым. Но Урри предлагает иную повестку дня для социологии, а именно — изучать различные виды мобильности, т. е. изучать мобильности как мобильность (и лишь затем надстраивая над этой базовой метафорой вспомогательные образы сетей и потоков). Метафора и объект совпадают, что не позволяет больше говорить о метафорическом основании новой социологии, поскольку этот ход не подпадает под формулу «(менее знакомое) X как (более знакомое) Y». «С небольшой натяжкой можно заявить, что социология всегда считала мобильность своим „основным делом“» [Там же, с. 11]. Весь замысел книги может быть интерпретирован как идея свести повестку дня социальных наук к некоторой ее части, и предложение для новой социологии заключается не в смене метафор, а в изменении базовой операции с метафорической на метонимическую.

Обоснованность идеи отказаться от категории общества в пользу мобильности зависит от того, в каком отношении друг к другу находятся метафора и метонимия. Лакофф и Джонсон ограничиваются утверждением, что они являются разными видами процессов, не проясняя их взаимной связи. Между тем их перспективы взаимно обратны, что позволяет описать каждую как часть другой. Если мы выбираем метонимическую точку зрения, лишенную всякого трансцендентального измерения, то любая метафора оказывается внутри того же пространства, где локализованы объект и субъект познания. В случае социального как окружающей среды метафора оказывается внутри объекта, следовательно, его частью, следовательно, метонимией. Если же мы меняем перспективу и сохраняем трансцендентальное измерение, то можем позволить себе вопрос о том, что задает список частей целого, доступных для восприятия. По словам Макса Блэка, именно метафора «отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики» [Блэк, 1990, с. 167] объекта, на который направлена, и выводит из поля внимания другие, тем самым ограничивая выбор частей, которые могут служить для отсылки к целому. Это заставляет предположить, что любая метонимия строится на скрытых метафорических основаниях и, таким образом, оказывается в подчиненном положении по отношению к метафоре. Для «Социологии за пределами обществ» последнее означает, что она, как и «социология в пределах общества», уклоняется от предъявления своих базовых метафорических оснований и натурализирует их¹. Метонимическая же перспектива полностью оправдывает линию аргументации Урри, который апеллирует к изменениям объекта (мобильности изменяют общество на материальном уровне, подрывая его казавшиеся устойчивыми структуры). Если допустить, что метонимия есть независимая от метафоры когнитивная операция, соотношение часть-целое объективно, а «выбор части определяет, на какой стороне целого фокусируется внимание» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 62], тогда можно говорить о том, что мобильности существуют, ускоряются, их значение растет и требует более пристального изучения.

291

Проверка аргументации Урри на обоснованность предполагает ответы на вопросы, далеко выходящие за рамки отдельной дисциплины, и автор манифеста новой социологии никак не облегчает нам эту работу. Здесь позиция «делать больше, чем обещаешь» об-

1 Урри можно было бы адресовать вопрос о том, какая метафора социального позволяет считать одни виды мобильности социальными, а другие нет. Если социальны все виды мобильности, значит ли, что социолог XXI в. может изучать приливы, движение звезд или сдвиги тектонических плит и оставаться при этом социологом?

наруживает свои неопценимые преимущества: Урри нельзя упрекнуть в том, что он не решает задачу, которую перед собой не ставил. Но в таком качестве книга не может стать фундаментом нового социологического метода, т. е. тем, чем задумывалась.

Таким образом, несмотря на все старания, автору не удастся выполнить желанную (но недопустимую) операцию — сохранить метафору объекта, отказавшись от эпистемической метафоры зрения. Утверждение о «визуальной эпистемологии», породившей «науку, которая представляется полным антитезисом по отношению к метафоре», оказывается несостоятельным. При этом «Социология за пределами обществ» есть отклик на вызовы, стоящие не только перед социальной теорией, вызовы, к которым переживающая кризис социология оказывается особенно чувствительной. Книга Урри — это попытка действием решить проблемы, еще не решенные на теоретическом уровне, продвинуться на ощупь туда, куда не проник взгляд трансцендентального субъекта.

Как показывает Никлас Луман, фундамент любого теоретического построения неизбежно окажется скрытым. «Возможны две формы рефлексии тождества системы: тавтологическая и парадоксальная. Соответственно, можно сказать: общество есть то, что оно есть; или же: общество есть то, что оно не есть. Обе эти формы не способны к последующим подсоединениям. Они не ведут дальше, но блокируют операции системы. <...> В самоблокировании участвует и наблюдение наблюдения или описание описания. Оно само становится тавтологичным или же парадоксальным, поскольку фиксирует свой предмет таким образом, что делает невозможными дальнейшие высказывания о нем» [Luhman, 1988, p. 28]. Решением проблемы для системы становится придание невидимости парадоксальному или тавтологичному утверждению. Если провести аналогию между тавтологией и метонимией (мобильности как мобильность), с одной стороны, и между парадоксом и метафорой (общество как регион) [Константиновский, Вахштайн, Куракин, 2014], с другой, то, отрицая старую науку, скрывающую свои метафорические основания, новая будет вынуждена скрывать основания метонимические.

Библиография

- Бергсон А. (1992) *Материя и память*. Собр. соч. Т. 1, М.: Московский клуб.
- Блэк М. (1990) *Метафора. Теория метафоры*, М.: Прогресс: 153–172.
- Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. (2013) *Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации*, М.: ЦСПИМ.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*, М.: Едиториал УРСС.

Латур Б. (2006) Когда вещи дают отпор: возможный клад «исследований науки» в общественные науки. В. С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*. М.: Изд. дом «Территория будущего»: 342–363.

Рорти Р. (1997) *Философия и зеркало природы*, Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.

Урри Дж. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*, М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Ahlkvist J.A. (2000) Review. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. John Urry. *Teaching Sociology*, 28 (4): 392–393.

Ankersmit F.R. (1994) *History and tropology: the rise and fall of metaphor*, London: University of California Press.

Eadie J. (2001) Review. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. John Urry. *Sociology*, 35 (1): 253–254.

Favell A. (2003) Games without Frontiers? Questioning the Transnational Social Power of Migrants in Europe. *Archives Européennes de Sociologie/European Journal of Sociology/Europäisches Archiv für Soziologie*, 44 (3): 397–427.

Luhman N. (1988) Tautology and Paradox in the Self-Descriptions of Modern Society. *Sociological Theory*, 6 (1): 21–37.

Macpherson H. (2005) *Landscape's ocular centrism: and beyond?* Tress G., Fry G., Opdam P (eds). *From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application* Springer. Amsterdam: Kluwer Academic: 95–104.

293

References

Ahlkvist J.A. (2000) Review. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. John Urry. *Teaching Sociology*, 28 (4): 392–393.

Ankersmit F.R. (1994) *History and tropology: the rise and fall of metaphor*, London: University of California Press.

Bergson H. (1992) *Materia i pamiat'* [Matter and Memory], Sobr. soch. T.1. М.: Moskovskii klub.

Black M. (1990) *Metafora* [Metaphor]. *Teoriia metafory*, М.: Progress: 153–172.

Eadie J. (2001) Review. *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century*. John Urry. *Sociology*, 35 (1): 253–254.

Favell A. (2003) Games without Frontiers? Questioning the Transnational Social Power of Migrants in Europe. *Archives Européennes de Sociologie/European Journal of Sociology/Europäisches Archiv für Soziologie*, 44 (3): 397–427.

Konstantinovskii D.L., Vakhshayn V.S., Kurakin D.Iu. (2013) *Real'nost' obrazovaniia. Sotsiologicheskoe issledovanie: ot metafory k interpretatsii* [Reality of education. Sociological research: from metaphor to interpretation], М.: TsSPiM.

Lakoff J., Johnson M. (2004) *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By], М.: Editorial URSS.

Latour B. (2006) *Kogda veshchi daiut otpor: vozmozhnyi klad «issledovaniia nauki»*

v obshchestvennye nauki [When things strike back: a possible contribution of science studies to the social sciences]. V. Vakhshayn (ed.). *Sotsiologiya veshchei*. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego»: 342–363.

Luhman N. (1988) Tautology and Paradox in the Self-Descriptions of Modern Society, *Sociological Theory*, 6 (1): 21–37.

Macpherson H. (2005) Landscape's ocular centrism: and beyond? Tress G., Fry G., Opdam P (eds). *From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application* Springer, Amsterdam: Kluwer Academic: 95–104.

Rorty R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature], Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta.

Urry J. (2012) *Sotsiologiya zapredelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletia* [Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century], M.: Izd. Dom Vyshei shkoly ekonomiki.